

Б. А. Раев

КОНСКИЕ НАЛОБНИКИ ИЗ НОВОЛАБИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ 71 И КУРГАНОВ У С. ГЛИНОЕ КАК ИНДИКАТОР КОНТАКТОВ ПОДНЕСТРОВЬЯ И ПРИКУБАНЬЯ ¹

В статье публикуются материалы конского захоронения Новолабинского могильника (Прикубанье) с несколькими комплектами снаряжения верхового коня — удилами с псалиями, бляхами оголовья и налобниками. По аналогиям из курганов Азиатского Боспора комплекс датируется серединой II в. до н. э. Налобники с крючком, аналогичные новолабинским, были найдены в курганах у с. Глиное на Днестре в погребениях второй четверти II в. до н. э. Специфический элемент конской узды — налобник с крючком и секировидной лопастью — диагностирует переселение части скифского населения, оставившего Тираспольские курганы, в Северо-Западное Предкавказье, о котором писал А. В. Симоненко.

Ключевые слова: снаряжение верхового коня, налобники, Тираспольские курганы, Прикубанье, миграции кочевников.

В работах последних 10—15 лет А. В. Симоненко затрагивал не только отдельные аспекты, связанные с гибелью «Великой Скифии», но и, в развитие высказанного в конце 1990-х гг. предположения о ведущей роли в этом сарматов Прикубанья (Виноградов и др. 1997, 18), предложил гипотезу о возвращении «восточной тираспольской аристократии... в родные земли — на Дон и Северный Кавказ» (Симоненко 2016, с. 481). Такая иммиграция не могла не отразиться в археологических материалах Прикубанья в виде принесенных переселенцами вещей или идей. Конские на-

лобники с крючком, которые представлены как в Тираспольской группе курганов, так и в могильниках Прикубанья, показались мне той категорией находок, которые могут диагностировать переселение.

Материалы могильника у с. Глиное в полном объеме опубликованы, в семи могилах там найдено восемь налобников с крючком (Тельнов и др. 2007, с. 794—796, рис. 415). В Новолабинском могильнике, исследованном в 2011—2012 гг., найдено пять налобников с крючком в трех могилах, из которых особенно интересен комплекс захоронения 71, где три налобника с крючком разных типов найдены на черепках трех из шести захороненных коней. Комплекс не опубликован ², поэтому есть необходимость дать его краткое описание.

Погребение 71 совершено в широкой прямоугольной яме размером 2,4 × 1,9 м. В яму были уложены шесть коней, их головы размещены вдоль стен по периметру ямы, а туловища оказались в яме на брюхе или на боку (рис. 1: 1, 2).

Конь А лежал вдоль СЗ стенки ямы на левом боку. Под черепом находились сильно корродированные удила с крестовидными насадками (рис. 1: 1А; 2: 1, 2).

Конь Б лежал в средней части поперек ямы на правом боку. Кости задних конечностей отсутствовали. Сильно корродированные удила с крестовидными насадками лежали к востоку от черепа (рис. 1: 1Б; 2: 3, 4).

1. Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013—2020 гг. в рамках базовой темы НИР «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до нового времени», № гос. регистрации 01201354248.

2. Предварительное сообщение о 71 погребении Новолабинского могильника было сделано автором 14 ноября 2014 г. на международной научной конференции «Сарматія від Алтаю до Дунаю» (14—16 листопада 2014 р., м. Вінниця, Україна).

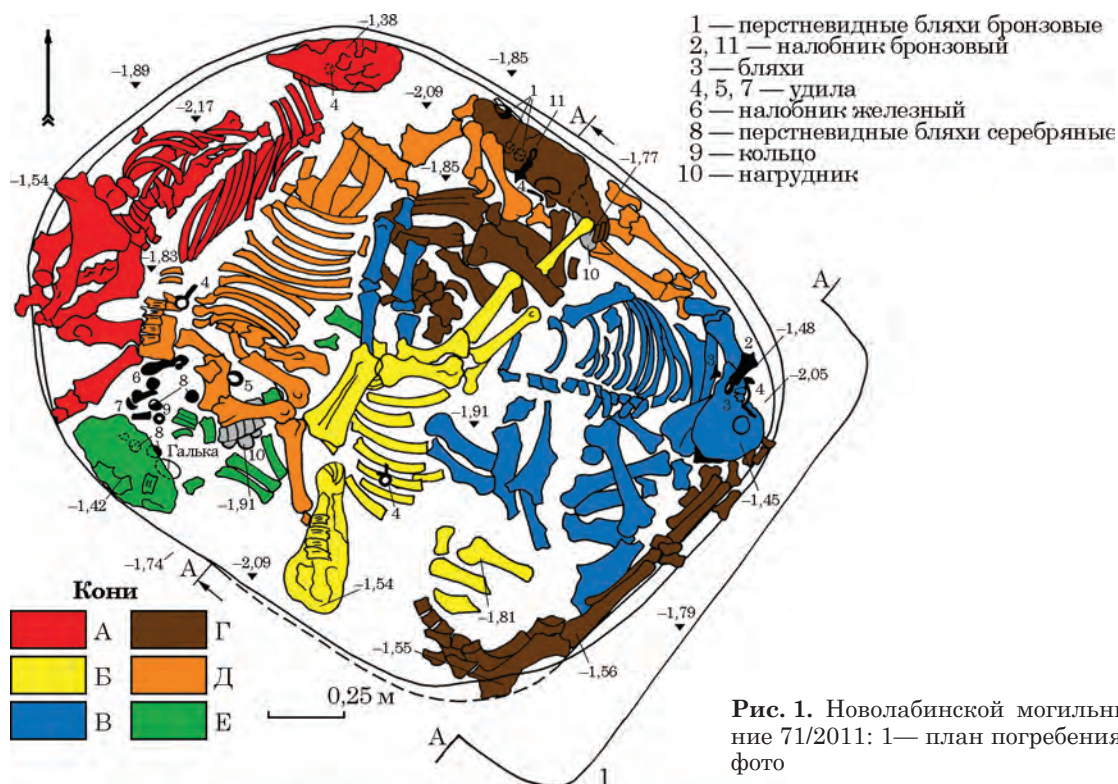

Рис. 1. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: 1— план погребения; 2 — то же, фото

Конь В лежал на брюхе по диагонали ямы, череп в ЮВ углу. Две передние конечности вытянуты вдоль юго-восточной стенки (рис. 1: 1В). На черепе обнаружен бронзовый налобник с крючком, загнутый вверх конец которого завершается головкой кошачьего хищника (?). Лицевая поверхность лопасти оформлена тремя валиками, между которыми пунсоном нанесен орнамент в виде зигзага (рис. 3: 1, 2). Во рту зажаты железные удила с парой С-видных псалиев (рис. 2: 5, 6). У нижней челюсти — три бронзовые квадратные бляхи с петлями на оборотной стороне. Четвертая бляха найдена в заполнении над черепом (рис. 3: 3, 4). Там же — пряжка с боковым штырем, частично рассыпавшаяся из-за коррозии (рис. 2: 7)

бронзовых кольца (рис. 3: 13, 14). На черепе лежал бронзовый налобник с крючком в форме головки грифона (рис. 4: 1, 2). Под черепом найдены обломки нагрудника из тонкого листа бронзы и обломки петель, крепивших к нему подвески (рис. 5: 1, 2).

Конь Д лежал в СЗ части ямы параллельно коню А (рис. 1: 1Д). Его задние конечности под СВ стенкой частично перекрывали костяк коня Г. Около черепа в западной части ямы найдены удила с крестовидными насадками с зубчатыми (?) выступами (рис. 5: 3, 4).

Конь Е. Кости скелета частично лежали под костями коня Д, а череп около ЮЗ стенки ямы (рис. 1: 1Е). Вдоль левой стороны черепа лежал

Конь Г разрублен на две части. Большая часть костей конечностей уложена вдоль ЮВ стенки, остальная туша у СВ стенки в центре ямы (рис. 1: 1Г). Под черепом найдены две пары сильно корродированных удил и одна пара С-видных железных псалиев, украшенных на концах бронзовыми шишечками с косым сетчатым рифлением (рис. 3: 5—12, 15, 16). Рядом с псалиями обнаружены пять бронзовых перстневидных блях с поверхностью, украшенной косым сетчатым рифлением. Поверхность образованных им ромбов оформлена острыми диагональными ребрами (рис. 4: 5, 6). Там же — бронзовые бляшки в форме усеченного конуса, скрывающие узел крепления блях к ремешку (рис. 4: 3, 7), и два

Рис. 2. Новолабинської могильник, погребення 71/2011: конь А: 1, 2 — удила; конь В: 3, 4 — удила; конь В: 5, 6 — удила і псалиї; 7 — пряжка (все залізо)

налобник с крючком, лопасть которого обтянута серебряной пластиной. Конец крючка украшен биконическим шариком (рис. 6: 7, 8). Под черепом и около него найдены фрагменты трех железных удил, на одних сохранились части крестовидных насадок с зубчатыми (?) выступами (рис. 6: 1—6). Там же найдены шесть серебряных перстневидных блях (рис. 6: 9, 10), две бронзовые бляшки в форме усеченного конуса, скрывающие узел крепления блях к ремешку (рис. 6: 11, 12), и серебряное кольцо (рис. 7: 1, 2). Рядом найдены обломки нагрудника из тонкой листовой бронзы, на оборотной стороне которого прочерчены тамгообразные знаки (?) (рис. 7: 3, 4).

В заполнении могилы обнаружены фрагменты бронзовых пластин нагрудника (рис. 7: 5—8).

Комплекс снаряжения верхового коня из Новолабинского погребения 71 по многим существенным признакам аналогичен комплексу из Большого Васюринского кургана. Это и редкий, если не уникальный, тип налобника с крючком в форме головки грифона, и техника обкладки железных деталей конского снаряжения серебром (Новолабинская — налобник; Васюринская — часть псалиев) или золотом (Васюринская — налобник, часть псалиев), и

даже расположение памятников в одном географическом регионе. Перечисленные особенности служат достаточным основанием для вывода о синхронности, или о незначительном по протяженности хронологическом периоде, когда были совершены эти захоронения. Мне представляется, что наиболее убедительна датировка конских захоронений Большого Васюринского кургана II в. до н. э. (Симоненко 2011, с. 602)¹. Удила со строгими насадками типа найденных в Новолабинском погребении в соседнем Тенгинском могильнике найдены в ритуальном комплексе второй четверти II в. до н. э. (Беглова 2004, с. 104).

В первой и третьей колонках таблицы показаны хронологические позиции семи погребений могильника у с. Глиное по датировкам авторов публикации и погребения 71 Новолабинского могильника. Показавшийся мне странным для одного могильника разрыв 20—30 лет между датами погребений в курганах 4/1² и 97/1 и остальными пятью захоронениями, как и большой разрыв между датами погребений с налобниками в Глином и Новолабинской, заставил меня обратиться к обоснованию авторами публикации хронологии могил с налобниками у с. Глиное.

Курган 4/1 авторы датируют первой половиной III в. до н. э. по налобнику, аналогии которому найдены на городище «Чайка» (Канторович 2007а, с. 252, 253, рис. 1: 1—3), где они датированы амфорными клеймами первой

1. Датировка конских захоронений в кургане III—II вв. до н. э. (Шаров 2009, с. 303; Власова 2004, с. 172) представляется мне слабо аргументированной.

2. Я использую это удобное сокращение, принятое авторами публикации могильника у с. Глиное для обозначения номера кургана и погребения.

Рис. 3. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: конь В: 1, 2 — налобник; 3, 4 — бляхи; конь Г: 5—12, 15, 16 — удила и псалии; 13, 14 — тринзельные кольца (1—4, 13, 14 — бронза; 5—10 — железо; 11, 12, 15, 16 — железо, бронза)

половины или первой четверти III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 963, 964). Ничего подобного налобнику из Глиного на «Чайке» найдено не было. В Глином 4/1 налобник с загнутым вниз крючком, конец которого отогнут вверх и вперед. Ниже, в месте соединения крючка с лопастью, сделана петля для ремня (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 87, рис. 30: 11; с. 795, рис. 415: 1).

Все три налобника, найденные на городище «Чайка», на которые ссылаются авторы, над петлей для ремня имеют замкнутую петлю, что относит их в эволюционном ряду А. Р. Канторовича к типу, предшествующему длинным налобникам с крючком (Канторович 2007b, с. 77, рис. 1).

В погребении 4/1 были найдены железные С-видные псалии с двумя отверстиями в 8-видном расширении центральной части и округлыми окончаниями (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 87, рис. 30: 12, 13). Несколько подобных псалиев происходят из «странных комплексов» (Симоненко 2015, с. 228, рис. 80: 1д, 2, 3, 6, 7; Редина, Симоненко 2002, с. 95, рис. 8: 3), что позволяет исключить III, и даже начало II века до н. э. из возможного времени совершения погребения 4/1. Этой дате не противоречит и время совершения конских захоронений в Большом Васюринском кургане (Симоненко

2011, с. 602), где были найдены С-видные псалии (Власова 2004, с. 166, рис. 11).

Курган 14/1. В погребении найдена небольшая фракционная амфора, время бытования которых определяется второй половиной II в. н. э., и стандартная амфора с клеймом, датированная по Дж. Финкельштейну 205 г. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 949). Из рва этого же кургана происходит фрагмент ручки с клеймом, отнесенным к последнему десятилетию III в. до н. э., которое и стало основной датирующей находкой (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 949). Оставляя в стороне сомнительную датировку погребения по находке фрагмента амфоры из рва, хочу обратить внимание на странный прием, нарушающий процедуру исследования, который позволил избежать противоречий, в то же время не игнорируя позднюю амфору. Совместная находка фракционной и стандартной амфоры, по мнению авторов, служит основанием для того, чтобы отнести появление первых «по крайней мере, к концу III в. до н. э.» (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 949). Таким образом, начало производства целого класса амфор перенесено на 60—70 (!) лет даже не по совместной находке — это был бы 205 год до н. э. — а по фрагменту ручки из рва. Учитывая позднейшую датированную находку из комплекса —

фракционную амфору — погребение 14/1, вероятно, следует датировать серединой — третьей четвертью II в. до н. э.

Курган 18/2. Единственной датированной находкой авторы считают фибулу со скобами, хронологию которой определяют по С.П. Пачковой концом III — началом II вв. до н. э. (Пачкова 2006, с. 77, 78, 80, рис. 28). Бронзовый фрагментированный налобник, что, вероятно, должно свидетельствовать о его долгом использовании, дает возможность хоть не на много — на 15—20 лет, — но сделать погребение древнее, отнеся его к последней четверти III в. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 958).

Однако фибулы с выгнутой спинкой и короткой ножкой вариантов А и В-Костшевский относятся к более позднему времени — поздней фазе латена С1—С1b, а основная масса соответствует латену С2 (Каспарова 1993, с. 173, 174). Таким образом, III — начало II в. до н. э., как возможное время совершения погребения в кургане 18/2, должны быть исключены. Погребение в лучшем случае можно отнести к середине первой половины II в. н. э.

Курган 21/1 следует датировать, по мнению авторов, в пределах последней четверти III в. до н. э. на том основании, что ближайшая аналогия бронзовому налобнику с П-образным профилем¹ — налобник из Семеновки, датируется клеймами на амфорных ручках именно этим временем (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 964).

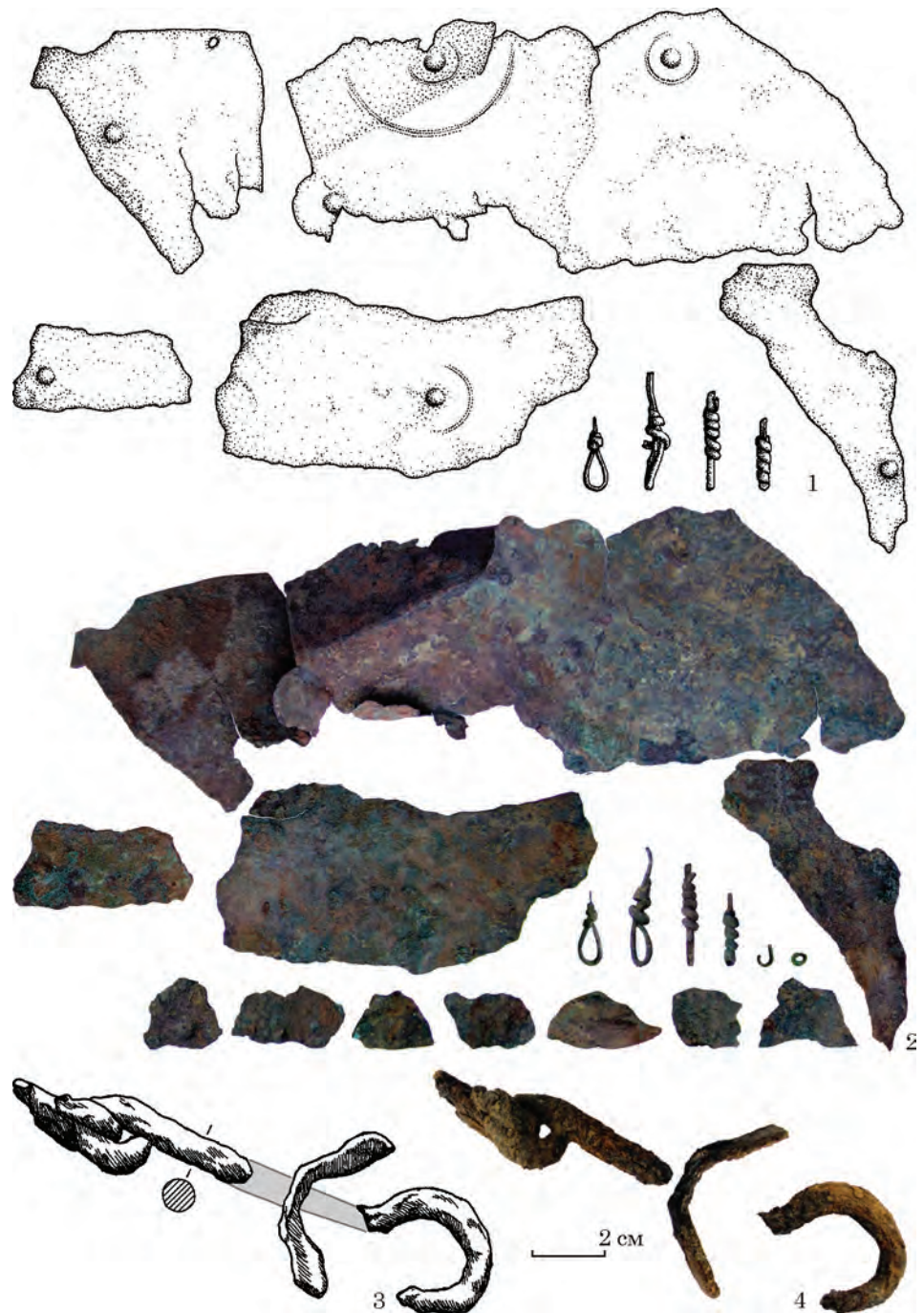
Находка налобника в кургане 20 у с. Семеновки сделана в удалении от центра насыпи «в специальном углублении, — на глубине 1,1 м при высоте кургана 0,7 м» (Полин 1992, с. 55). Связь этого комплекса со скоплениями амфорного боя, зафиксированными на глубине 0,65—0,8 м на уровне древнего горизонта представляется сомнительной, как и попытка хронологически связать все эти комплексы (Зайцев 2012, с. 58—63). Найденный там же

1. Правильно — с П-образным (или швеллерным) сечением.

Рис. 4. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: конь Г: 1, 2 — налобник; 3, 4 — деталь крепления перстневидных блях; 5, 6 — перстневидные бляхи; 7 — реконструкция крепления блях к ремешку (бронза)

Рис. 5. Новолабинской могильник, погребение 71/2011: конь Г: 1, 2 — нагрудник; конь Д: 3, 4 — удила (1, 2 — бронза; 3, 4 — железо)

стеклянный кубок — подражание металлическим ахеменидским (Oliver 1970, р. 15, 16; Лимберис, Марченко 2015, с. 14, 18, рис. 1) — не является датирующим. Его можно рассматривать исключительно как пример необычайно долгого использования дорогой вещи (Островерхов, Охотников 1991, с. 46) если, конечно, он не был обретен хозяином в разграбленном кургане времени сооружения Толстой Могилы и Курджипса, где были подобные кубки.

Помимо Семеновки, налобники со швеллерным сечением верхней части лопасти были найдены:

- в Снигиревке (Симоненко 2015, с. 257, рис. 93: 5) вместе с перстневидными бляхами и

наконечником копья, близким наконечникам из Великопосского (Симоненко 1982, с. 239, рис. 2: 3);

- в Бубуечь (Симоненко 2015, с. 262, рис. 93: 1, 2) с псевдоаттическим шлемом, нащечниками, бляхами оголовья;

- в конском захоронении кургана на горе Зеленского (таблица, врезка, 2) с двумя бляхами, ворворкой, и железными удилами.

Все эти комплексы А. В. Симоненко относит ко II—I вв. до н. э. (Редина, Симоненко 2002, с. 85, 86; Симоненко 2015, с. 262). Косвенным подтверждением поздней даты Зеленского налобника является поразительное сходство орнамента бортиков и лопасти, оформление крючка

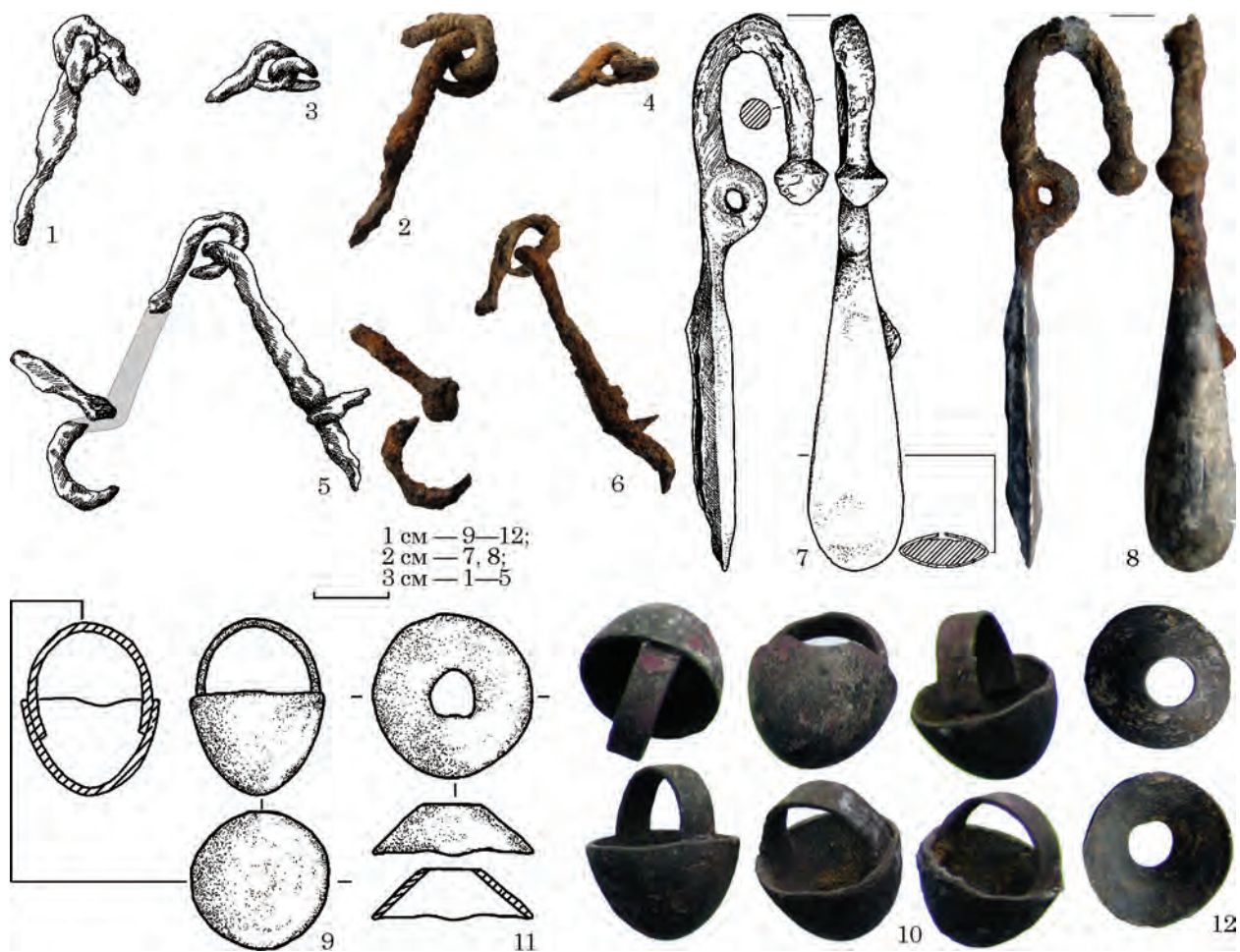

Рис. 6. Новолабинської могильник, погребення 71/2011: конь E: 1—6 — удила; 7, 8 — налобник; 9, 10 — перстневидні бляхи; 11, 12 — деталь кріплення перстневидних блях (1—6 — залізо; 7, 8 — залізо, срібло; 9, 10 — срібло; 11, 12 — бронза)

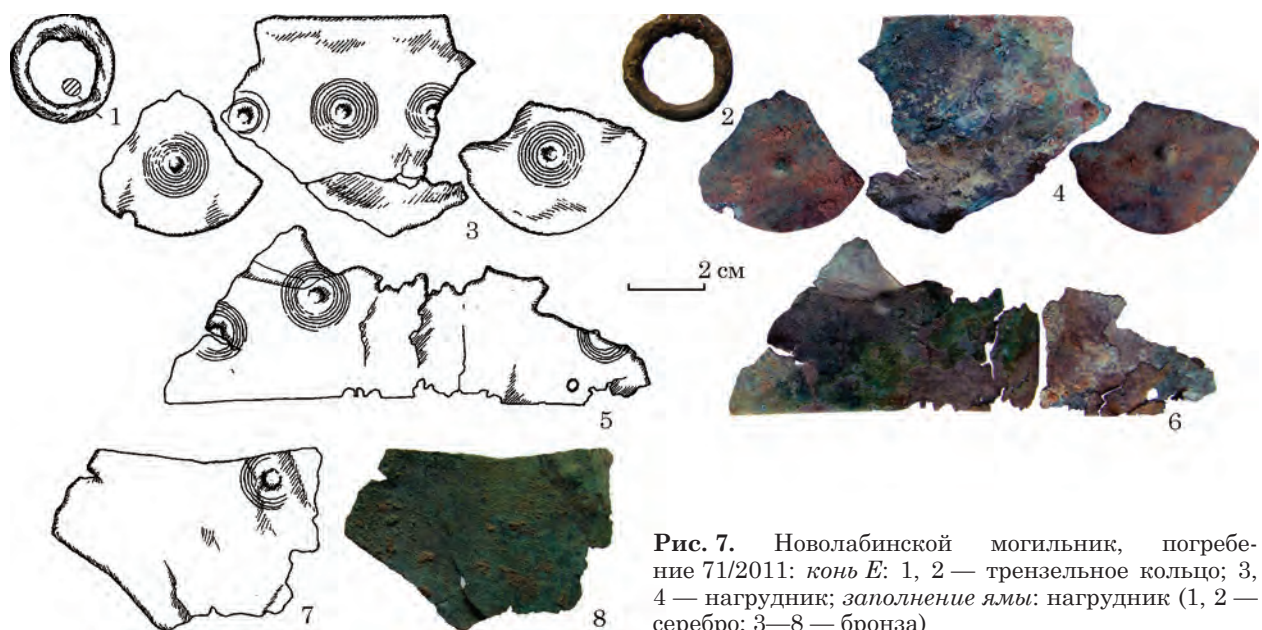

Рис. 7. Новолабинської могильник, погребення 71/2011: конь E: 1, 2 — трязельне кільце; 3, 4 — нагрудник; заповнення ями: нагрудник (1, 2 — срібло; 3—8 — бронза)

лебединою голівкою і навіть поперечне сечення, з оформленням ручок і прилегаючих країв венчика сковороди типу Айлесфорд, датуються періодом латен D1 і D2 (Feugère, De Marinis

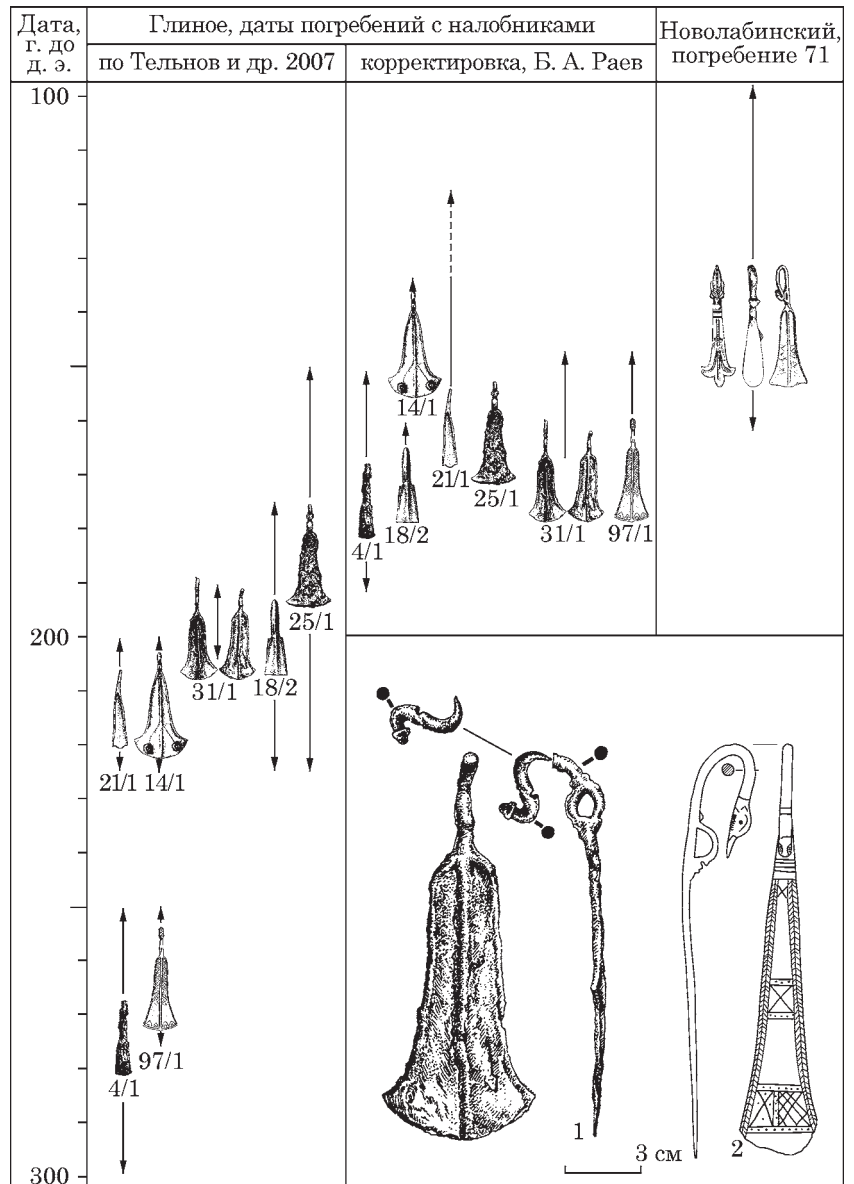
1991, p. 99, fig. 2: 3; p. 109, 110, fig. 11, 12). Лебединую голівку, соотнес с металлической посудой С. В. Полин, но сослался он на более ранние греческие аналоги (Полин 1992, с. 60).

Все это дает основания исключить конец III — начало II вв. до н. э. как возможное время сооружения кургана 21/1, и отнести его ко времени не ранее второй четверти II в. до н. э., из осторожности не определяя верхнюю границу возможного периода.

Курган 25/1 датирован последней четвертью III в. до н. э. — первой половиной II в. до н. э. по найденной в нем «копьевидной» фибуле (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 959). Однако копьевидные фибулы, появление которых связывают с балканскими походами бастарнов 179—168 гг. до н. э. (Каспарова 1993, с. 173; Шукин 1994, с. 74, рис. 20), принято датировать не ранее периода латена С2. И. В. Бруяко именно так датирует фибулу из кургана 25/1 у с. Глиное (Бруяко 2009, с. 337, 335, рис. 2: 5). Курган был сооружен незначительно позже, чем курган 18/2, скорее всего во второй четверти II в. до н. э. Сама же попытка пересмотреть время появления копьевидных фибул (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 959) и тем самым откорректировать на 40—50 лет хронологию европейского латена представляется мне мало перспективной.

Курган 31/1, в котором были найдены два налобника¹, как считают авторы, был сооружен в период от середины 10-х гг. III по 90-е гг. II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 965), что соответствует датам фибул среднелатенской схемы с шариками на спинке и ножке по С. П. Пачковой — конец III — начало II вв. до н. э. (Пачко-

Хронология налобников с крючком из курганов у с. Глиное и погребения 71 могильника Новолабинского городища

На врезке: 1 — бронзовый налобник из кургана 31/1 у с. Глиное (по: Тельнов, Четвериков, Сеника 2007; с изменениями автора); 2 — бронзовый налобник из кургана на горе Зеленского (рис. Е. В. Черненко, компьютерная графика автора).

1. По описанию, крючок одного из налобников из кургана 31/1 «заканчивается конической кнопкой», тогда как рисунок воспроизводит налобник с обломанным крючком (Тельнов, Четвериков, Сеника 2007, с. 216, 214, рис. 107: 5). На том же рисунке (рис. 107: 3) изображена «бронзовая S-видная уздечная пряжка» с одним заостренным концом, и вторым, завершающимся конической кнопкой. Представить ее назначение трудно, при соединении этой «пряжки» с налобником (таблица, врезка, 1) становится понятно, что это обломанная часть крючка, конец которого был отогнут вперед и вверх, что обычно для бронзовых налобников с широкой лопастью.

ва 2006, с. 107). Хронология фибул с шариками, однако, совсем не бесспорна. Проанализировав комплекс погребения 108 из Велемичей I и другие ранние комплексы с фибулами с шариками, К. В. Каспарова отнесла их к начальной фазе периода латен С2, т. е. к 185/170 гг. до н. э. (Каспарова 1993, с. 175). Позже В. Е. Еременко посчитал, что такие фибулы появляются на ранних этапах стадии латен С1b — т. е. в 225—190 гг. до н. э. (Еременко 1997, с. 107), с чем не согласились М. Б. Шукин и Д. А. Мачинский. Анализ данных позволил им отнести фибулы с шариками в основном к стадии латен С1b, но если нижняя граница этого периода совпадает с датой, предложенной В. Е. Еременко, то верхняя отнесена ими к 160 г. до н. э. (Шукин

1994, с. 51, 69, рис. 16; Мачинский 2012, с. 51, 56—57). Сочетание же таких фибул с графитовыми сосудами в могильнике Велемичи I, по мнению Д. А. Мачинского, возможно только в 170—160 гг., или, с учетом условности хронологических границ, в 180—150 гг. до н. э. (Мачинский 2012, с. 51).

Латеном С2 датирует фибулы с шариками, найденные в Румынии, Влад Зирра. Фибулы выделены им в тип 31, самым распространенным из которых является тип 31а с арочной спинкой. Отмечено, что все эти фибулы железные с бронзовыми шариками (Zirra 2017, р. 55, 56, 100, harta 13, 338, pl. 6: 31a).

Следует учитывать также подмеченное Д. А. Мачинским стремление С. В. Пачковой, даты которой безоговорочно принимаются исследователями могильника у с. Глиное (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 956, 957), «удревнить зарубинецкую культуру» (Мачинский 2012, с. 57). Таким образом, время совершения погребения 31/1 никак не может быть ранее рубежа первой — второй четвертей II в. до н. э.

Как отмечают авторы, среднелатенские фибулы «существуют на могильнике у с. Глиное с раннелатенскими фибулами» (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 961). Это так, но при существенной оговорке — они не встречаются в одном погребении. Единственный случай — это курган 69/2. Даже если согласиться с далеко не бесспорной реконструкцией фибул из этого комплекса, одна из них (с шариками на спинке) — это период латен С1b, а вторая, с фальшивой пружиной на окончании ножки, синхронна фибуле с шариками, и действительно сосуществует с ней, но это не раннелатенский импорт (Шукин 1994, с. 51, 65, рис. 11: 29).

В кургане 31/1 была найдена пара золотых серег с витыми дужками и окончаниями в форме львиных головок (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 214, рис. 107: 2), в описании которых авторами упущена важная деталь: это единственный известный мне экземпляр, у которого дужка свита не из нескольких круглых проволочек, а из одной, круглой в сечении, накрученной на коническую сердцевину, которую затем удалили. Лишенная жесткости дужка в форме полой конусовидной спирали, была усилена напаянной по внешнему диаметру витой квадратной проволочкой. Спаянные концы обеих проволочек образуют заостренный конец дужки (Синика, Разумов, Тельнов 2016, с. 112, № 127).

Серьги типа найденных в кургане 31/1 у с. Глиное — один из самых распространенных типов золотых серег эллинистического времени (Pfrommer 1990, S. 146—156, Abb. 22—26, Taf. 30: 1—26). Остановлюсь на некоторых морфологических особенностях подобных серег и их датировке.

Серьги из Глиного относятся к особой группе серег с окончаниями в форме львиных голо-

вок, манжеты которых украшены напаянными S-видными проволочками с шариками зерна, впаянными в завитки спиралей. Эта характерная деталь послужила основанием для выделения их М. Пфроммером в особую группу Седес / Севтополис. Одновременно М. Пфроммер отметил особенность свивки проволочек, из которых изготовлены дужки серег, заключающуюся в том, что на ранних серьгах, вне зависимости от формы окончаний и наличия скани на манжетах, шаг свивки проволочек длинный, а на более поздних — короткий (Pfrommer 1990, S. 150).

Специальное исследование серег с витыми дужками и окончаниями в виде львиных головок из Фанагории было осуществлено М. Ю. Трейстером и О. В. Тугушевой (Трейстер, Тугушева, 2014), а позже включено в раздел коллективной монографии, посвященной золотым изделиям из Фанагории (Трейстер 2015, с. 108—111). Авторы, в целом следуя типологии и хронологическим наблюдениям М. Пфроммера (Трейстер, Тугушева 2014, с. 393, 397), высказали сомнения в верной датировке последним фанагорийского погребения 1954 г. второй четвертью III в. до н. э. На основании стилистического анализа изображений на пеликах они отнесли фанагорийское погребение и появление таких серег на Боспоре ко времени не позднее последней четверти IV в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 399, 401). Не являясь специалистом в вазописи, и не считая для себя возможным оценивать достоверность даты пелики, а тем более предполагать время ее использования в быту, отмечу, что при рассмотрении дат погребений, где найдены серьги со сканью на манжетах, попытка удревнить их на 50—70 лет не выглядит убедительной.

Также не убедительна попытка авторов обосновать раннюю дату фанагорийского погребения ссылаями на время совершения погребения 1/2003 на ул. Терской в Анапе, с аналогичным составом инвентаря. Маленькие биконические бусы, как отмечают сами авторы, существуют вплоть до II в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 398), а в погребении, кроме них и фрагментированной пелики, были найдены статуэтки, расцвет производства которых приходится на III в. до н. э. (Шевченко 2004, с. 190). Датировка фанагорийского погребения М. Пфроммером выглядит более обоснованной.

Обратимся к самим серьгам с манжетами, украшенными сканью. Самые ранние из них появляются в Македонии и Фракии (Димитрова 1989, с. 2, табл. 1), откуда они, скорее всего, были привезены на Боспор в конце IV в. до н. э. (Трейстер, Тугушева 2014, с. 401). Все они с длинным шагом свивки дужки (Pfrommer 1990, S. 150, Taf. 30: 2, 8; Димитрова 1989, с. 4, 5, обр. 2, 5, 6). Дужки с коротким шагом свивки появляются в Македонии и Фракии во второй четверти III в. до н. э. (Pfrommer 1990,

S. 370—371, OR 222, Taf. 30: 9). М. Пфроммер особо отмечает, что серьги с длинным шагом свивки дужек доживают до этого времени, и могут сосуществовать с серьгами, у которых короткий шаг свивки. В качестве примера он ссылается на известный погребальный комплекс, в котором найдены оба типа серег — могилу 2 в Мезек (Болгария), датированную по инвентарю временем не ранее середины III в. до н. э. (Pfrommer 1990, S. 250, FK 99b; S. 371, OR 232, OR 233, Taf. 30: 3, 4).

Что касается боспорских находок, то этим же, или близким временем датируют погребение с парой серег с коротким шагом свивки из урны 4 склепа 1012 в Херсонесе все исследователи (Гриневиц 1926, с. 22, 23, 40, рис. 10; Белов 1948, с. 78, 79, табл. VII: внизу; Pfrommer 1990, S. 267, 268, FK 125b; S. 372, OR 239; Taf. 30: 10).

Серьги из погребения 1—2/1958 в Херсонесе интересны тем, что их дужка свита из одной квадратной в сечении проволоочки, а не из нескольких круглых. Поэтому шаг свивки у нее ближе к головке льва короткий, а к концу — длинный (Стоянов 2007, с. 126, рис. 5А: 4). Р. В. Стоянов датировал серьгу концом III — первой половиной II вв. до н. э. (Стоянов 2007, с. 126) а В. И. Мордвинцева и М. Ю. Трейстер — серьгу II—I вв. до н. э., а погребения — I в. до н. э., (Мордвинцева, Трейстер 2007, с. 109—110, № А363 а.3, табл. 48).

Таким образом, в дужках серег из Глиное можно увидеть сочетание двух элементов: навитой (но не витой!) золотой проволоки с коротким шагом свивки, восходящей к серьгам середины III в. до н. э., и витой квадратной проволоки, которая использована для изготовления дужки серег II—I вв. до н. э. Боспорские аналогии и морфология самих серег дают основания, как и фибула, отнести погребение в кургане 31/1 ко времени не раньше рубежа первой — второй четверти II в. до н. э.

Что касается найденной в кургане амфоры, то определение ее как амфоры позднего типа III, варианта III-C по С. Ю. Монахову можно уточнить: по размерным характеристикам это серия III-C-1 (Монахов 2003, с. 153, 154), узко датированная авторами по магистратскому клейму последним десятилетием III — первым десятилетием II вв. до н. э. (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 948). При наличии других датированных импортов, можно говорить о значительном запаздывании амфор в погребениях Тираспольских курганов. Тару сюда завозили, скорее всего, во вторичном использовании, и временной интервал между амфорами и хорошо датированными импортами составляет в отдельных курганах до 20—25 лет. Этот период фиксируется не только в городах и сельских поселениях (Внуков 2015, с. 163, 165, 168), но и в варварских курганах на их периферии (Монахов 1999, с. 419). Сочетание в погребениях могильника у с. Глиное клейменной амфорной

тары и иных хорошо датированных импортов, позволяет на материалах этого могильника поделить время запаздывания амфор для конкретного микрорегиона.

Курган 97/1. Вторичное захоронение в кургане отнесено авторами ко второй четверти III в. до н. э. на основании красноглиняной чашки (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 957, 965). Точных аналогий ей нет, можно «*только условно определить дату*» (выделено мной — Б. Р.) и предполагать (условно?) ее местное производство, но дата, по мнению авторов, верифицируется датой фибулы среднелатенской схемы с шариками (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 951). Датировка среднелатенских фибул с шариками рассмотрена в разделе, посвященном кургану 31/1, других датированных предметов во вторичном женском погребении кургана 97/1 не найдено, и его с полным основанием можно считать синхронным кургану 31/1.

Вторым предметом, который, по мнению исследователей, определяет время первичного захоронения кургана 97/1, является чашка, аналогии которой происходят из цистерны E14: 1 афинской агоры (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 950—951). Верно указав даты керамического импорта в нижних слоях цистерны по С. Ротроф — 325—200 гг. до н. э., — авторы не упомянули существенные детали описания цистерны. Прежде всего, С. Ротроф отмечает, что кроме того, что в 150—75 гг. до н. э. заполнение цистерны E14: 1 было нарушено [перекопом?], материал III в. до н. э. из нее и материал 150—50 гг. до н. э. из соседней цистерны E14: 3 был перемешан в ходе раскопок. Основная часть заполнения цистерны E14: 3 относится к 115—50 гг. до н. э., что совпадает с датой нарушения заполнения E14: 1, и первая может быть источником некоторого количества позднеэллинистического материала во второй (Rotroff 1990, p. 446). Это не позволяет использовать материал из цистерн в качестве датировочного, тем более для далекой от Афин периферии. Параллели чашке из кургана 97/1 есть в материалах горизонтов E/D (175—108 гг. до н. э.) Неаполя Скифского (Зайцев 2003, с. 129, рис. 59: 6, 12). И наконец, если на рисунке в монографии профиль чашки изображен верно (в чем есть повод сомневаться, поскольку левая и правая его части разнятся выше допустимых колебаний асимметрии в кружальной аттической керамике), то ни материалы Агоры, ни материалы Неаполя не являются для нее близкими аналогами.

Катакомба 97/1 сама по себе необычна: вторичное «женское» захоронение¹ сопровождается

1. Антропологические определения из-за плохой сохранности костяков ограничивались определением возраста погребенных (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 80, сн. 7). Определения пола по инвентарю неоднозначны и не могут использоваться как достоверный источник.

ся предметами вооружения и конским снаряжением; «мужской» костяк лежит не «ближе к западной стене», что было бы странно, так как в этом случае он лежал бы у входа, а смещен к западу от центра камеры всего на 10—15 см; при манипуляциях с телом покойной у восточной стенки мужской костяк не мог остаться непотревоженным. Не могли ли оба погребенных быть захоронены одновременно через южный колодец в существующую камеру катакомбы, из которой вынесли первого погребенного? Оставшаяся от него амфора найдена расколотой. Вопреки описанию (Тельнов, Четвериков, Синика 2007, с. 577), на уступе у западной стенки, судя по плану, лежала только ее верхняя часть, нижняя находилась на дне колодца (там же, с. 579, рис. 326).

Таким образом, обоснование дат курганных захоронений с конскими налобниками в могильнике у с. Глиное вызывает большие сомнения. Уточнение дат показывает, что эти комплексы формируют хронологически компактную группу, нижняя граница которой — конец первой — начало второй четверти II в. до н. э., а верхняя — третья четверть II в. до н. э. (табл. 1, центральная колонка). Самым ранним в этой группе является курган 4/1, в котором найден железный налобник, сохраняющий такую черту прототипов, как узкая лопасть. Дальнейшая эволюция налобников с крючком шла по линии расширения лопасти, превращения ее в секировидную и дополнительной орнаментации самой лопасти. Материал тираспольских курганов позволяет предполагать, что это развитие связано с местным производством.

Налобники с крючком из 71 Новолабинского погребения или синхронны, или незначительно моложе тираспольских. Имеющиеся материалы показывают, что в Прикубанье они появляются в окончательно сложившейся форме — у них широкие лопасти, украшенные орнаментом, крючок длинный, конец его загнут вперед и вверх. При том, что в предшествующее время каких-либо прототипов, с которыми можно было бы связать их появление в регионе нет¹, на налобниках из Прикубанья появляется оформление крючков зооморфными изображениями — головками грифонов на Новолабинском и на налобнике из Большого кургана Васюринской горы (Власова 2004, с. 165, рис. 9), головкой кошачьего хищника (?) на Новолабинском (рис. 3: 1, 2) и лебединой головкой на налобнике из кургана на горе Зеленского (табл. 1, врезка, 2).

Зооморфизация крючков Прикубанских налобников связана с иными влияниями; два из

трех появившихся на них образа — лебедь и грифон — характерны для античного искусства. О лебединой головке речь шла выше, возможность знакомства варварских мастеров эпохи позднего эллинизма с изображением грифона отметил А. В. Симоненко (Симоненко 2015, с. 262). Перенос образов античного искусства на конскую упряжь вернувшейся на исконные земли (меотской? скифской? меотско-скифской?) знати мог произойти как в Прикубанье, где традиционны были интенсивные контакты местного населения с античными центрами, так и в Крыму или на Боспоре. Изготовление налобников с крючком в Неаполе Скифском документировано находкой литевой формы (Симоненко 2015, с. 267, рис. 96: 1), а гора Зеленского и Васюринская гора расположены на территории Азиатского Боспора, что делает такую возможность вполне реальной. Прикубанье и Крымский полуостров на протяжении всей истории были в культурном, политическом и этническом отношении тесно связаны между собой. Представляется, что высокое качество налобников из Прикубанья, выразившееся не только в декоре, но и в сложной технике соединения в одном изделии нескольких металлов (железа, серебра, бронзы, золота), было обусловлено изготовлением их в мастерских Боспора.

Да и сам маршрут иммиграции из Северо-Западного Причерноморья в Прикубанье, скорее всего, пролегал через Крымский полуостров, поскольку был не только на четверть расстояния короче, но и не подразумевал преодоления многих водных преград в Приазовье.

В заключение отмечу, что уточнение датировок курганов с налобниками, раскопанных у с. Глиное, результатом которого стало уменьшение до 10—15 лет разрыва в дате их сооружения, и дате погребения 71 Новолабинского могильника, является дополнительным аргументом в пользу гипотезы А. В. Симоненко.

Благодарности. Считаю своим приятным долгом поблагодарить за помощь в работе научного сотрудника Исторического музея «Искра», (г. Казанлык, Болгария) Меглену Парвин, а также профессора А. Р. Канторовича и доцента В. И. Мордвинцеву (оба — Москва). Для меня были также очень важны уточнения и дополнения, которыми делился со мной Виталий Синика (Тирасполь). Пользуюсь случаем выразить ему искреннюю признательность.

ЛИТЕРАТУРА

Беглова, Е. А. 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника. *Opus: Междисциплинарные исследования в археологии*, 3, с. 88-107.

Белов, Г. Д. 1948. *Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк*. Ленинград: Государственный Эрмитаж.

Бруяко, И. В. 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus*, 3, с. 329-370.

1. Великолепные бронзовые детали узды с зооморфным декором (Канторович, Эрлих 2006, кат. № 63—67, 91, 92) были отлиты на 100—150 лет раньше налобников, найденных в Новолабинском могильнике.

- Виноградов, Ю. А., Марченко, К. К., Рогов, Е. Я. 1997. Сарматы и гибель «Великой Скифии». *Донские древности*, 5: Сарматы и Скифия, с. 6-27.
- Власова, Е. В. 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. В: Ходза, Н. К. (ред.). *Эллинистические штудии в Эрмитаже*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, с. 158-174.
- Внуков, С. Ю. 2015. Продолжительность использования античных винных амфор. *Краткие сообщения института археологии*, 238, с. 161-169.
- Гриневиц, К. Э. 1926. Стены Херсонеса Таврического. I: Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса. Херсонесский сборник, 1. Севастополь: Херсонесский музей.
- Димитрова, М. 1989. Обещи с лъвски глави от еллинистическата епоха (по материли от България). *Археология*, XXXI, 3, с. 1-13.
- Зайцев, Ю. П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.
- Зайцев, Ю. П. 2012. Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья. В: Тельнов, Н. П. (ред.). *Древности Северного Причерноморья III—I вв. до н. э.* Тирасполь: ПГУ, с. 55-66.
- Канторович, А. Р. 2007а. О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка». В: Янин, В. Л., Шапова, Ю. Л. (ред.). *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму*. Москва: МГУ, с. 252-265.
- Канторович, А. Р. 2007б. Конские налобники / наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля. В: Скорий, С. А. (ред.). *Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна*. Київ: ІА НАН України, с. 74-77.
- Канторович, А. Р., Эрлих, В. Р. 2006. *Бронзолитное искусство из курганов Адыгеи*. Москва: Государственный музей Востока.
- Каспарова, К. В. 1993. О времени возникновения зарубинецкой культуры. *Археологические вести*, 2, с. 169-190.
- Лимберис, Н. Ю., Марченко, И. И. 2015. Стеклояная чаша из погребения могильника Старокорсунского городища № 2. В: Эрлих, В. Р. (ред.). *Северный Кавказ: искусство в контексте времени*. Майкоп: Графика, с. 14-18.
- Мачинский, Д. А. 2012. О прародине славян в I—V вв. и об этносоциуме *русь / rōs* в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям «Баварского географа»). В: Мачинский, Д. А. (ред.). *Истоки славянства и Руси: сборник статей по материалам Х чтений памяти Анны Мачинской*. Санкт-Петербург: Нестор-История, с. 25-127, 134-165.
- Монахов, С. Ю. 1999. *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары*. Саратов: СГУ.
- Монахов, С. Ю. 2003. *Греческие амфоры в Причерноморье. типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре*. Москва; Саратов: Киммериды; СГУ.
- Мордвинцева, В. И., Трейстер, М. Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. 2 в. до н. э. — 2 в. н. э. 1—3*. Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе, 2. Симферополь: Тарпан-Бонн.
- Островерхов, А. С., Охотников, С. Б. 1991. О происхождении стеклянных фиал из курганов Северного и Восточного Причерноморья. В: Ванчугов, В. П. (ред.). *Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур*. Киев: Наукова думка, с. 48-52.
- Пачкова, С. П. 2006. *Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы*. Киев: ІА НАН України.
- Полин, С. В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ІА НАН України.
- Редина, Е. Ф., Симоненко, А. В. 2002. «Клад» конца III—I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 2, с. 78-96.
- Симоненко, А. В. 1982. О позднескифских налобниках. В: Тереножкин, А. И. (ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, с. 237-245.
- Симоненко, А. В. 2011. Конский убор из большого кургана Васюринской горы. *Боспорский феномен: Население, языки, контакты*, с. 598-602.
- Симоненко, А. В. 2015. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Изд. 2-е, дополн. Киев: Олег Филюк.
- Симоненко, А. В. 2016. О происхождении позднескифской культуры Нижнего Днепра. *Стародавнє Причорномор'я*, XI, с. 476-483.
- Синика, В. С., Разумов, С. Н., Тельнов, Н. П. 2016. *Археологическое наследие Приднестровья*. Тирасполь: Полиграфист.
- Стоянов, Р. В. 2007. К хронологии участка эллинистического некрополя возле гончарных мастерских в Херсонесе Таврическом. *Археологические вести*, 14, с. 121-129.
- Тельнов, Н. П., Четверигов, И. А., Синика, В. С. 2016. *Скифский могильник III—I вв. до н. э. у с. Глиное*. Археологические памятники Приднестровья, 3. Тирасполь: Stratum plus.
- Трейстер, М. Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ. В: Кузнецов, В. Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований, 2: Трейстер, М. Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: ІА РАН, с. 77-181.
- Трейстер, М. Ю., Тугушева, О. В. 2014. О хронологии ранних групп серег с витыми дужками и окончаниями в форме львиных головок эллинистического времени в Северном Причерноморье. *Боспорские исследования*, XV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы хронологии, с. 393-405.
- Шаров, О. В. 2009. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы. *Боспорские исследования*, XXII: Степи Евразии и история Боспора Киммерийского, с. 283-348.
- Шевченко, Н. Ф. 2004. Материалы исследований некрополя Горгишии в 2003 г. *Материалы и исследования по археологии Кубани*, 4, с. 186-211.
- Щукин, М. Б. 1994. *На рубеже эр*. Санкт-Петербург: Фарт.
- Feugère, M., De Marinis, R. 1991. Les poèlons. In: Feugère, M., Rolley, C. (eds.) *La vaisselle tardo-républicaine en bronze: Actes de la table-ronde CNRS organisée à Lattes du 26 au 28 avril 1990*. Dijon: Université de Bourgogne, p. 97-112.
- Oliver, A. 1970. Persian Export Glass. *Journal of Glass Studies*, XII, p. 9-16.
- Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Istanbuler Forschungen, 37. Tübingen: E. Wasmuth.
- Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. 1—2. The Athenian Agora, 29. Princeton.
- Zirra, V. V. 2017. *Fibule de schemă La Tène din România*. Craiova: Scrisul Românesc Fundația.

REFERENCES

- Beglova, E. A. 2004. Pervyi ritual'nyi kompleks Tenginskogo mogil'nika. In: *Opus: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkhologii*, 3, s. 88-107.
- Belov, G. D. 1948. *Khersones Tavricheskii. Istoriko-arkheologicheskii ocherk*. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh.
- Bruiaiko, I. V. 2009. Ot Skifii k Sarmatii: desiati' let spustia. *Stratum plus*, 3, s. 329-370.
- Vinogradov, Iu. A., Marchenko, K. K., Rogov, E. Ia. 1997. Sarmaty i gibel' «Velikoi Skifii». *Donskie drevnosti*, 5: Sarmaty i Skifiia, s. 6-27.
- Vlasova, E. V. 2004. Kurgan Vasiurinskaia gora na Tamanskom poluostrove. In: Khodza, N. K. (ed.). *Ellinisticheskie shchuidii v Ermitazhe*. Sankt-Peterburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, s. 158—174.
- Vnukov, S. Iu. 2015. Prodlzhitel'nost' ispol'zovaniia antichnykh vinnykh amfor. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii*, 238, s. 161-169.
- Grinevich, K. E. 1926. *Steny Khersonesa Tavricheskogo*. I: Podstennyi sklep N 1012 i vorota Khersonesa. Khersonesskii sbornik, 1. Sevastopol': Khersonesskij muzej.
- Dimitrova, M. 1989. Obeci s lvski glavi ot elinisticheskata epoha (po materili ot Blgarija). *Arheologija*, XXXI, 3, s. 1-13.
- Zaitsev, Iu. P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. — III v. n. e.)*. Simferopol': Universum.
- Zaitsev, Iu. P. 2012. Antichnaia keramika v ritual'nykh (votivnykh) kladakh Severnogo Prichernomor'ia. In: Tel'nov, N. P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ia III—I vv. do n. e.* Tiraspol': PGU, s. 55-66.
- Kantorovich, A. R. 2007a. O nekotorykh predmetakh kenskogo snarjazhenija s gorodishha «Chajka». In: Janin, V. L., Shchapova, Ju. L. (eds.). *Materialy issledovanij gorodishha «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu*. Moskva: MGU, s. 252-265.
- Kantorovich, A. R. 2007b. Konskie nalobniki/nanosniki s petlej i krjuchkom i ih svjaz' s nekotorymi motivami skifosibirskogo zverinogo stilja. In: Skoryj, S. A. (ed.). *Rannij zaliznyj vik Jeurvzii: do 100-richchja vid dnja narodzhennja O. I. Terenozhkina*. Kyiv: IA NAN Ukrainy, s. 74-77.
- Kantorovich, A. R., Erlikh, V. R. 2006. *Bronzolitinoe iskusstvo iz kurganov Adygei*. Moskva: Gosudarstvennyi muzej Vostoka.
- Kasparova, K. V. 1993. O vremeni vozniknoveniia zarubitskoi kul'tury. *Arkheologicheskie vesti*, 2, s. 169-190.
- Limberis, N. Iu., Marchenko, I. I. 2015. Stekliannaia chasha iz pogrebeniia mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha N 2. In: Erlikh, V. R. (ed.). *Severnij Kavkaz: iskusstvo v kontekste vremeni*. Maikop: Grafika, s. 14-18.
- Machinskij, D. A. 2012. O prarodine slavjan v I—V vv. i ob jetnosociume rus' / rós v IX v. (chrezvyčajno razvernutyj kommentarij k nekotorym soobshhenijam «Bavarskogo geografu»). In: Machinskij, D. A. (ed.). *Istoki slavjanstva i Rusi: sbornik statej po materialam X chtenij pamjati Anny Machinskoi*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, s. 25-127, 134-165.
- Monakhov, S. Iu. 1999. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoi tary*. Saratov: SCU.
- Monakhov, S. Iu. 2003. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. tipologija amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare*. Moskva; Saratov: Kimmerida; SGU.
- Mordvintseva, V. I., Treister, M. Iu. 2007. *Proizvedeniia torevtiki i iuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e*. 2 v. do n. e. — 2 v. n. e. 1—3. Drevniia torevtika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope, 2. Simferopol': Tarpan-Bonn.
- Ostroverkhov, A. S., Okhotnikov, S. B. 1991. O proiskhozhdenii stekliannykh fial iz kurganov Severnogo i Vostochnogo Prichernomor'ia. In: Vanchugov, V. P. (ed.). *Severo-Zapadnoe Prichernomor'e — kontaktnaia zona drevnikh kul'tur*. Kiev: Naukova dumka, s. 48-52.
- Simonenko, A. V. 2011. Konskii ubor iz bol'shogo kurgana Vasiurinskoj gory. *Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty*, s. 598-602.
- Pachkova, S. P. 2006. *Zarubineckaja kul'tura i latenizirovannye kul'tury Evropy*. Kiev: IA NAN Ukrainy.
- Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii*. Kiev: IA AN Ukrainy.
- Redina, E. F., Simonenko, A. V. 2002. «Klad» kontsa III—I v. do n. e. iz Veseloi Doliny v krugu analogichnykh drevnostei Vostochnoi Evropy. *Materialy i issledovaniia po arkhologii Kubani*, 2, s. 78-96.
- Simonenko, A. V. 1982. O pozdnieskifskikh nalobnikakh. In: Terenozhkin, A. I. (ed.). *Drevnosti Stepnoi Skifii*. Kiev: Naukova dumka, s. 237-245.
- Simonenko, A. V. 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia*. Izd. 2-e, dopoln. Kiev: Oleg Filiuk.
- Simonenko, A. V. 2016. O proiskhozhdenii pozdnieskifskoi kul'tury Nizhnego Dnepra. *Starodavnje Prychornomorja*, XI, s. 476-483.
- Sinika, V. S., Razumov, S. N., Tel'nov, N. P. 2016. *Arkheologicheskoe nasledie Pridnestrovia*. Tiraspol': Poligrafist.
- Stojanov, R. V. 2007. K hronologii uchastka jellinisticheskogo nekropolja vozle goncharnykh masterskikh v Hersonese Tavricheskom. *Arheologicheskie vesti*, 14, s. 121-129.
- Tel'nov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—I vv. do n. e. u s. Glinoe*. Arkheologicheskie pamiatniki Pridnestrov'ia, 3. Tiraspol': Stratum plus.
- Treister, M. Iu. 2015. Zoloto Fanagorii. Tipologicheskii, stilisticheskii i khronologicheskii analiz. In: Kuznetsov, V. D. (ed.). Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovanij, 2: Treister, M. Iu. (ed.). *Zoloto Fanagorii*. Moskva: IA RAN, s. 77-181.
- Treister, M. Iu., Tugusheva, O. V. 2014. O hronologii rannikh grupp sereg s vitymi duzhkami i okonchaniiami v forme l'vinnykh golovok ellinisticheskogo vremeni v Severnom Prichernomor'e. *Bosporskije issledovaniia*, XV: Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekovia: Aktual'nye problemy khronologii, s. 393-405.
- Sharov, O. V. 2009. O konskikh pogrebeniiax Bol'shogo kurgana Vasiurinskoj gory. *Bosporskije issledovaniia*, XXII: Stepi Evrazii i istoriia Bospora Kimmeriiskogo, s. 283-348.
- Shevchenko, N. F. 2004. Materialy issledovanii nekropolia Gorgippii v 2003 g. *Materialy i issledovaniia po arkhologii Kubani*, 4, c. 186-211.
- Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er*. Sankt-Peterburg: Farn.
- Feugère, M., De Marinis, R. 1991. Les poêlons. In: Feugère, M., Rolley, C. (eds.). *La vaisselle tardo-républicaine en bronze: Actes de la table-ronde CNRS organisée à Lattes du 26 au 28 avril 1990*. Dijon: Université de Bourgogne, p. 97-112.
- Oliver, A. 1970. Persian Export Glass. *Journal of Glass Studies*, XII, p. 9-16.
- Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Istanbul: Forschungen, 37. Tübingen: E. Wasmuth.
- Rotroff, S. I. 1997. *Hellenistic Pottery: Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material*. 1—2. The Athenian Agora, 29. Princeton.
- Zirra, V. V. 2017. *Fibule de schemă La Tène din România*. Craiova: Scrisul Românesc Fundația.

B. A. Raev

HORSE FRONTLET PLATES FROM HORSE FRONTLETS FROM NOVOLABINSKY GRAVE 71 AND KURGANS NEAR THE VILLAGE OF GLINOE AS AN INDICATOR OF CONTACTS BETWEEN THE LOWER DNIESTR REGION AND THE KUBAN REGION

This publication presents an assemblage from a horse burial excavated in 2011 in the cemetery of the 4th Novolabinsky settlement in the Kuban region. Six horses placed in a pit, were accompanied by several sets of riding harness. It included one bit with straight check-pieces, C-shaped check-pieces, bridle decorations, breastgirth ornaments and three frontlets, each with a hook, two of them have zoomorphic ends. The closest parallels to the horse frontlets from the Bolshoi Kurgan of Vasyurinskaya Gora allow us to attribute the Novolabinsk grave to the 2nd century BC.

A series of eight similar frontlets without zoomorphic décor was found in kurgans near the village of Glineo in Transnistria. The excavators dated the assemblages to the period from the first half of the 3rd century BC to the first half of the 2nd century BC. Meanwhile, during this period there was a significant gap in 20–30 years when frontlets were not found in the graves. Considering the typological closeness of the Transnistrian and Kuban frontlets, the chronological gap looked questionable. Re-evaluation of the data of the Tiraspol kurgans, and an analysis of the grounds for their dating revealed that the authors of their initial publication assigned the materials to 15–90 years older. Assemblages with frontlets from kurgans near the village of Glineo, according to the revised dating, make up a compact group, and a time period between the earliest and latest burials was no more than 50–60 years, from the first decade to the third quarter of the 2nd century BC.

The revision and specification of the dates of the Tiraspol kurgans reduces to a minimum the time gap between the graves with frontlets in the Transnistria and the graves with frontlets in the Kuban region. Such a chronology confirms the possibility of a hypothesis formulated in 2016 by A. V. Symonenko, according to which a part of the Tiraspol elite returned to the native lands of the North-Western Ciscaucasia. It was in the Kuban region, when zoomorphic decorative elements, as a result of an influence of the antique centers of the Black Sea region, appeared on frontlets with hook. The high quality of the frontlets from Kuban region, expressed not only in the décor but in the complicated technique of combining several metals (iron, silver, bronze, and gold) in the same object, was due to their manufacturing in the Bosphorus workshops.

Keywords: horse harness, frontlets, Tiraspol kurgans, Kuban region, nomad migrations.

Б. А. Раев

КІНСЬКІ НАЛОБНИКИ З НОВОЛАБІНСЬКОГО ПОХОВАННЯ 71 ТА КУРГАНИ БІЛЯ с. ГЛИНОЄ ЯК ІНДИКАТОР КОНТАКТІВ ПОДНІСТРОВ'Я І ПРИКУБАННЯ

Статтю присвячено публікації матеріалів кінського поховання, розкопаного у 2011 р. в могильнику 4 Новолабінського городища в Прикубанні. Шість коней, покладених в яму, супроводжувалися кількома комплектами спорядження верхового коня. До нього входили вудила із жорсткими насадками, С-подібні

псалії, бляхи оголов'я, нагрудники та три налобники з гачком, два з яких завершуються зооморфними зображеннями. Найближчі аналогії кінським налобникам з Великого кургану Васюринської гори дозволяють віднести новолабінське поховання до II ст. до н. е.

Серію з восьми подібних налобників, але без зооморфних елементів, було знайдено в курганах у с. Глиное в Придністров'ї. Авторське датування комплексів відносило їх до періоду від першої половини III ст. до н. е. до першої половини II ст. до н. е., із значним для одного могильника проміжком в 20–30 років, коли таких налобників в курганах взагалі немає. При типологічній близькості придністровських і прикубанських налобників дивним виглядав хронологічний розрив між похованнями, в яких вони знайдені. Звернення до матеріалів Тираспольських курганів і перевірка підстав для їх датування виявили тенденцію авторів публікації могильника до заниження дат курганів на 15–90 років. Комплекси з налобниками з курганів у с. Глиное за уточненими датуваннями становлять компактну групу, час здійснення поховань в якій становить не більше 50–60 років.

Перегляд та уточнення дат Тираспольських курганів до мінімуму скорочує розрив між ними і прикубанськими похованнями з налобниками. Така хронологія підтверджує можливість гіпотези, сформульованої у 2016 р. О. В. Симоненком, про повернення частини тираспольської еліти на споконвічні землі Північно-Західного Передкавказзя. Вже у Прикубанні на налобниках з гачком з'являються зооморфні елементи декору, пов'язані з впливом античних центрів Причорномор'я. Висока якість налобників з Прикубання, що відбулася не тільки в декорі, але й у складній техніці з'єднання в одному виробі кількох металів (заліза, срібла, бронзи, золота), було зумовлено виготовленням їх у майстернях Боспора.

Ключові слова: спорядження верхового коня, налобники, Тираспольські кургани, Прикубання, міграції кочовиків.

Одержано 12.06.2020

РАЄВ Борис Аронович, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник, Федеральний дослідницький центр «Південний науковий центр», Російська академія наук, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 346006, Росія.

RAEV Boris, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre, the Russian Academy of Sciences, Chekhov av., 41, 340006 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID: 0000-0001-6006-6173; e-mail: boris_raev@mail.ru.